

9 марта 1970.

МЕМОРАНДУМ

КОМУ: Всем, кого касается
ОТ: Исследовательского Отдела

Пересылаем вам текст ново-зарегистрированного документа для вашего сведения и возможного использования в работе. Напоминаем, что использование всех пересылаемых документов в передачах Радио Свободы должно быть в строгом соответствии с инструкциями изложенными в Руководстве по трактовке актуальных вопросов "Об использовании документов из СССР" изданном Программно-политическим Отделом 9-го апреля 1969 г.:

Стр.

РРС №333 Хроника текущих событий, №6 (11), 1-57
(Москва ?), 31.12.69.

ИСТОЧНИКИ: пока неопубликован.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОКУМЕНТУ РРС №333 1- 5
(начало)

ИСТОЧНИКИ: пока неопубликован.

ГОД ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
П Р О Д О Л Ж А Е Т С Я

Хроника текущих событий

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая Декларация Прав Человека,
ст.19

ВЫПУСК 6 /11/

31 декабря 1969 г.

СОДЕРЖАНИЕ: исключение А.И. Солженицына из Союза писателей.

- П.Г. Григоренко. О специальных психиатрич.больницах.
- Политзаключенные Владимирской тюрьмы.
- Голодовки в политлагерях. - Следствие по делу офицера флота Гаврилова Г.В. и др.продолжается.
- Арест В.Гершуни. - Аресты Московских студентов.
- Задержание, арест и суд над Виктором Красиным.
- Арест Натальи Горбаневской. - Суд над В.Борисовым /Ленинград/. - Суд над Генрихом Алтуняном.
- Репрессии против членов инициативной группы.
- Внесудебные политические преследования.
- Новости самиздата. - Краткие сообщения.
- Дополнения и исправления. - Репрессии 1969 года.

ИСКЛЮЧЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА ИЗ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ.

4 ноября великий русский писатель А.И. СОЛЖЕНИЦЫН был исключен из Союза писателей Рязанским Отделением СП РСФСР. Из семи членов рязанского отделения на заседании присутствовали шесть: Василий МАТУШКИН /Рязань/, Сергей БАРАНОВ /Рязань, председательствовал/, Николай РОДИН /г.Касимов, для кворума срочно доставлен из больницы/, Николай ЛЕВЧЕНКО /Рязань/ и СОЛЖЕНИЦЫН. Отсутствовал, легши на операцию аппендицита секретарь отделения ЭРНСТ САФОНОВ. Еще присутствовал секретарь СП РСФСР Франц ТАУРИН, секретарь по агитации и пропаганде Рязанского обкома КПСС А.С. КОЖЕВНИКОВ, редактор издательства ПОВАРЕНКИН и еще трое лиц из областных организаций. На повестке дня один вопрос: Информация секретаря СП РСФСР ТАУРИНА о решении Секретариата СП РСФСР "О мерах усиления идейно-воспитательной работы среди писателей".

Выступавшие обвиняли СОЛЖЕНИЦЫНА в том, что он не выступал на предвыборных собраниях; не участвовал в обсуждении произведений начинающих авторов и не рецензировал их рукописи; высокомерно относился к рязанским писателям и их "небольшим достижениям в литературе"; его "Иван Денисович" - бескрылый человек; в его "Матренином дворе" - одни черные краски; его последнее творчество /хотя рязанские писатели и признавались, что незнакомы с ним/ идет вразрез с их творчеством; он не дал отпора шумихе на Западе вокруг его имени; его творчество поставила на вооружение заграница. СОЛЖЕНИЦЫН выступил с ответом, в котором доказывал необоснованность выдвинутых против него обвинений.

Пятью голосами против одного была принята резолюция: "Собрание считает, что поведение СОЛЖЕНИЦЫНА носит антиобщественный характер, в корне противоречащий целям и задачам Союза писателей СССР. За антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений устава СП РСФСР исключить литератора СОЛЖЕНИЦЫНА из членов Союза писателей СССР. Просим Секретариат утвердить это решение".

В самиздате широко распространилось изложение хода этого заседания, сделанное СОЛЖЕНИЦЫНЫМ.

12 ноября в "Лит.газете" появилось сообщение об исключении СОЛЖЕНИЦЫНА Рязанской писательской организацией и об утверждении этого решения Секретариатом правления СП РСФСР. Ни одной фамилии /кроме СОЛЖЕНИЦЫНА/ и ни одной даты не приведено.

14 ноября "Лит.Россия" перепечатала сообщение "Лит.газеты" с добавлением фамилий рязанских писателей, а также писателей, участвовавших в заседании Секретариата правления СП РСФСР: Л.СОБОЛЕВ, Г.МАРКОВ, К.ВОРОНКОВ, А.БАРТО, Д.ГРАНИН, В.ЗАКРУТКИН, А.КЕШАКОВ, В.ПАНКОВ, Л.ТАТЬЯНИЧЕВА, Ф.ТАУРИН, В.ФЕДОРОВ, С.ХАКИМОВ. Снова - никаких дат.

Группа московских писателей: АНТОНОВ, БАКЛАНОВ, ВОЙНОВИЧ, МАКСИМОВ, МОЖАЕВ, ТЕНДРЯКОВ и ТРИФОНОВ нанесли визит секретарю СП РСФСР ВОРОНКОВУ. Они выразили свое несогласие с тем, что группа неизвестных рязанских литераторов исключила из СП такого крупного писателя как СОЛЖЕНИЦЫН. Они потребовали ввиду особой важности этого дела обсуждения на пленуме СП при условии максимальной гласности. Они просили довести это мнение, являющееся не только их мнением, но и многих писателей, не явившихся на прием, до сведения всех секретарей СП, а также до сведения ЦК. ВОРОНКОВ заверил их, что передаст. После этого некоторых /членов партии/ вызывали в райкомы, где их прорабатывали первые секретари, а также Ю.БЕРЧЕНКО, зав.отделом культуры МК.

Вскоре в самиздате широчайшим образом распространилось Открытое письмо А.СОЛЖЕНИЦЫНА Секретариату СП РСФСР. Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью:

"Бесстыдно попирая свой собственный устав, вы исключили меня заочно, пожарным порядком, даже не послав мне вызывной телеграммы, даже не дав нужных четырех часов - добраться из Рязани и присутствовать. Вы откровенно показали, что РЕШЕНИЕ предшествовало "обсуждению". Удобней ли было вам без меня изобретать новые обвинения? Опасались ли вы, что придется выделить мне десять минут на ответ? Я вынужден заменить их этим письмом.

Протрите циферблат - ваши часы отстают от века. Откиньте дорогие тяжелые занавеси - вы даже не подозреваете, что на дворе уже рассветает. Это - не то глухое, мрачное, безысходное время, когда вот также угодливо исключали Ахматову. И даже не то робкое, зябкое, когда с завываниями исключали Пастернака. Вам мало того позора? Вы хотите его сгустить? Но близок час: каждый из вас будет искать, как выскрести свою подпись под сегодняшней резолюцией.

Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжело больному обществу вы не способны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность, а только "держат и не пущать".

Расползаются ваши дебелые статьи, вяло шевелится ваше безмыслие - а аргументов нет, есть только голосование и администрация. Оттого-то на знаменитое письмо Лидии Чуковской, гордость русской публицистики, не осмелился ответить ни Шолохов, ни все вы вместе взятые. А готовятся на нее административные клещи: как посмела она допустить, что неизданную книгу ее читают? Раз ИНСТАНЦИИ решили тебя не печатать - задавись, удушись, не существуй, никому не давай читать!

Подгоняют под исключение и Льва Копелева - фронтовика, уже отсидевшего десять лет безвинно - теперь же он виноват, что заступает за гонимых, что разгласил священный тайный разговор с влиятельным лицом, нарушил ТАЙНУ КАБИНЕТА. А зачем ведете вы такие разговоры, которые надо скрывать от народа? А не нам ли было 50 лет назад обещано, что никогда не будет больше тайной дипломатии, тайных переговоров, тайных непонятных назначений и перемещений, что массы будут обо всем знать и судить открыто?

"Враги услышат" - вот ваша отговорка, вечные и постоянные "враги" - удобная основа ваших должностей и вашего существования. Как будто не было врагов, когда обещалась немедленная открытость. Да что б вы делали без "врагов"? Да вы б и жить уже не могли без "врагов", вашей бесплодной атмосферой стала ненавист, ненависть, не уступающая расовой. Но так теряется ощущение цельного и единого человечества - и ускоряется его гибель. Да растопись завтра только льды Антарктики - и все мы превратимся в тонущее человечество. И кому вы тогда будете тыкать в нос "классовую борьбу"? Уж не говорю - когда остатки двуногих будут бродить по радиоактивной земле и умирать.

Все-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим - это человечеству. А человечество отделилось от животного мира - МЫСЛЬЮ и РЕЧЬЮ. И они, естественно, должны быть СВОБОДНЫМИ. А если их сковать - мы возвращаемся в животных.

ГЛАСНОСТЬ, честная и полная ГЛАСНОСТЬ, - вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности - тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не желает отечеству гласности - тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтобы они гнили там.

12 ноября 1969 г.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

26 ноября "Лит.газета" поместила подвал "От секретариата правления Союза писателей РСФСР". Там сказано, что исключение СОЛЖЕНИЦЫНА "поддерживается широкой литературной общественностью нашей страны", что СОЛЖЕНИЦЫН "...в своих произведениях и заявлениях фактически сомкнулся с теми, кто выступает против советского общественного строя". Цитируются отрывки фраз из последнего /приведенного здесь/ письма СОЛЖЕНИЦЫНА для доказательства того, что он "стоит на чуждых нашему народу и его литературе позициях..." Содержится еще несколько менее важных утверждений, также не соответствующих истине, например, датируется Открытое письмо 14-м, а не 12-м ноября. В заключение говорится, что если Солженицын пожелает уехать из страны, ему не будут препятствовать. Эта статья целиком перепечатана 28 ноября в "Лит.России".

Национальный комитет французских писателей выступил с заявлением, в котором охарактеризовал исключение СОЛЖЕНИЦЫНА как "страшную ошибку, которая наносит вред Советскому Союзу". Авторы обращения считают очевидным, что подобными акциями "хотят напугать не только всех писателей, но шире - всю интеллигенцию - отвадить ее от попыток быть не только браво марширующими солдатами". В заявлении говорится: "Могли ли мы поверить, что сегодня на родине торжествующего социализма то, что даже Николай Второй и не подумал сделать с Чеховым, свободно издавшим свои "Сахалин", станет судьбой Александра СОЛЖЕНИЦЫНА, лучшего продолжателя великой русской традиции, жертвы сталинского террора, главное преступление которого заключается в том, что он выжил!". Под заявлением подписались, в частности, такие известные имена, как ТРИОЛЕ, ВЕРКОР, АРАГОН, САРТР. В последнее время к этому обращению присоединились еще десятки западных прогрессивных деятелей искусства и культуры, в частности, Пабло ПИКАССО.

3 декабря в "Лит.газете" появилась информация о заседании Секретариата правления Московской писательской организации, заслушавшей СОБОЛЕВА и ВОРОНКОВА в связи с решением Секретариата СП РСФСР об исключении СОЛЖЕНИЦЫНА. Как сказано в газете, "Все выступавшие обсудили поведение и позицию, занятую А.СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, и единодушно одобрили решение, принятое Секретариатом СП РСФСР. Приведен список участников обсуждения: А.АЛЕКСИ, Г.БЕРЕЗКО, А.ВАСИЛЬЕВ, С.ВАСИЛЬЕВ, С.МИХАЛКОВ, Г.РАДОВ, И.РИНК, К.ПОЗДНЯЕВ, А.САМСОНИЯ, И.СОБОЛЕВ, Д.ФОМЕНКО, Я.ЦВЕТОВ, Ю.ЧЕПУРИН, Л.ЯКИМЕНКО.

В этом же номере газеты есть сообщение о собрании партийной организации Ленинградского отделения СП РСФСР, единогласно принявшем резолюцию, в которой, в частности, говорится: "Коммунисты Ленинградской писательской организации единогласно одобряют решение Рязанской писательской организации и Секретариата правления СП РСФСР об исключении А.Солженицына из рядов советских писателей как человека, занявшего откровенно антисоветскую позицию, таким образом скатившегося в лагерь врага". Участники: Р.НАЗАРОВ, Ю.РЫТХАУ, Вяч.КУЗНЕЦОВ, Д.ГРАНИН, Ю.ПОМОЗОВ, А.ШЕВЦОВ, В.ИНФАНТЬЕВ, Г.КОНДРАШЕВ, В.ДЯГИЛЕВ, А.БАРТОН, В.ДМИТРИЕВСКИЙ, А.ШАГАЛОВ, Е.СЕРЕБРОВСКАЯ, М.ДЕМИДЕНКО, Ф.АБРАМОВ.

Через неделю Сергей МИХАЛКОВ, выступая на пленуме Московского отделения СП, назвал Солженицына /а газеты это напечатали/ "в профессиональном смысле одаренным литератором", который является "талантливым врагом социализма".

В самиздате циркулирует ряд коллективных и индивидуальных писем советских граждан, адресованных Союзу писателей и протестующих против исключения Солженицына:

1. Письмо 39-ти. Исключение СОЛЖЕНИЦЫНА названо позорным для нашей литературы и прежде всего для наших писателей, молча и вслух согласившихся с этим". Основная причина исключения - последовательное разоблачение СОЛЖЕНИЦЫНЫМ сталинского произвола. Именно талант и мастерство должны определять место художника в содружестве его коллег, а мастерство, художественная значимость и всемерная слава СОЛЖЕНИЦЫНА несомненны".

2. Письмо 14-ти /19 декабря/ "...трагическая кампания травли увенчалась фарсом публичной казни". Но не Солженицына отлучили от великой русской литературы, а "весь писательский союз, укrywшийся за спинами безнравственной рязанской пятерки". Осуждая позицию "благоразумного молчания", авторы проводят параллель с недавним прошлым: "когда так же травили самых лучших, самых честных писателей, так же одни писатели улюлюкали, другие - молчали. Но то были времена, когда защита писателя писателем называлась круговой порукой, а свидетельством благонадежности считался донос. Тогда и молчание могло оказаться героизмом. Сегодня оно героизмом не может даже показаться".

3. Открытое письмо Жореса МЕДВЕДЕВА /21 ноября/.

"Солженицына исключили за то, что его писательский талант, его гуманизм, его творческий показ и анализ действительности вышли за пределы Рязанской области и не могли контролироваться отделом Рязанского обкома. Они вышли за пределы РСФСР и перестали соответствовать неизвестным и постоянно меняющимся инструкциям тайной цензуры". Александр Солженицын заслуженно приобрел в СССР и во всем мире славу патриота и борца за настоящую правду. Он не изменил этой правде, этой гуманистической идее, не изменил своей совести и своим принципам, не изменил свсему народу, когда вопреки логике и здравому смыслу, произвол сталинской эры стал приукрашиваться и над страной вновь нависла угроза беззакония и насилия. За это его исключили из Союза писателей..." Касаясь обвинения Солженицына в издании его книг на Западе, автор пишет о "пиратской" практике публикации советскими издательствами иностранных авторов и репродукции иностранных изданий без разрешения авторов. Именно ради этого наше государство отказывается вступать в конвенцию о международной защите гражданских прав и тем самым ставит и советских авторов в беззащитное положение. Касаясь обвинения произведений Солженицына в том, что они написаны "с других идейных позиций", автор пишет: "Публикация "одного дня Ивана Денисовича" была одобрена Президиумом ЦК КСПП, эта повесть была самым лучшим образом встречена всей советской прессой, была выдвинута на Ленинскую премию. Почему же сейчас вы ругаете даже эту повесть? Значит, изменилась ваша "идейная позиция", а не позиция Солженицына. Значит, изменились инструкции Главлиту, а не творческий стиль писателя". "Исключение Солженицына из ССП огорчает меня как показатель весьма печальных изменений руководства Союза писателей и в позиции тех кругов, которые привыкли считать Союз советских писателей лишь отделением Идеологической комиссии. Исключение Солженицына является единичным событием. Оно произошло как логическое следствие нового курса осторожных репрессий по отношению к интеллигенции для включения инерции страха, того страха, который создал Сталин и его послушные исполнители, не останавливающиеся перед уничтожением миллионов безвинных граждан".

4. Письмо Юлиана А. ВРОНСКОГО /бывшего следователя Прокуратуры Московской области, приводится адрес и телефон/, 2 декабря.

Автор, называя Солженицына "талантливейшим писателем, мужественным борцом и гуманистом", рассматривает его исключение из СП как частное проявление сталинских тенденций в развитии нашей страны: политические процессы и принудительное помещение в психбольницы инакомыслящих, слежка, подслушивание, перлюстрация, провокации, незаконные аресты, увольнения, исключения из партии, официальная ложь, травля наиболее прогрессивных литераторов. Автор считает, что инициатива исключения Солженицына принадлежит партийно-правительственному руководству.

В заключение автор пишет: "Взывая к совести тех, от кого судьба писателя зависит пусть даже частично или в меньшей мере, - я призываю вспомнить вновь о долге перед Россией и историей, перед народом и человечеством, вспомнить лучшие демократические традиции прошлого нашей страны, во имя будущего, - я призываю оказать максимальное содействие и помощь этому талантливейшему писателю, ибо его трагедия - это наша трагедия, это трагедия нашей страны".

На заседании секции прозы Московского отделения СП 22 человека голосовали против резолюции, одобряющей исключение СОЛЖЕНИЦЫНА.

Телеграмма Л.К. ЧУКОВСКОЙ в Союз писателей. Л.К. ЧУКОВСКАЯ считает исключение СОЛЖЕНИЦЫНА из Союза писателей национальным позором России.

18 декабря в лондонской газете "Таймс" опубликовано письмо от группы писателей: "Обращение с писателями в Советском Союзе" стало международным скандалом. Известие об исключении из Союза писателей СССР Александра Солженицына вызвало у нас чувство тревоги и ужаса. Он - единственный из живущих писателей России, которого, по словам Артура Миллера, единодушно считают классиком. Раньше из СП подобным же образом были исключены два выдающихся поэта: Анна Ахматова и Борис Пастернак. Нам становится понятным горькое восклицание

Солженицына: "Вам было мало того позора?" Заставить замолчать писателя калибра Солженицына само по себе есть преступление против цивилизации. Мы не знаем, планируются ли новые шаги в непрекращающейся охоте за ведьмами. Мы можем только надеяться, что процессы, подобные суду над Синявским и Даниэлем, не повторятся. Мы знаем по собственному опыту, что словесные протесты не воздействуют на советское правительство, но все же мы обращаемся к нему с призывом прекратить травлю Солженицына.

Если этот призыв не даст никакого результата, то мы обратимся ко всем писателям и деятелям искусств всего мира с призывом начать международный бойкот страны, которая поставила себя за рамки цивилизованного общества, - до тех пор, пока варварское обращение с писателями и художниками в СССР не будет прекращено. Другого выхода нет".

Среди подписавшихся: Артур МИЛЛЕР, американский драматург; ОГДЕН, английский поэт; Рольф ХОХУТ, немецкий писатель; Гюнтер ГРАСС; Джулиан ХАКСЛИ; Мери МАК-КАРТИ; Грем ГРИН; Пьер ЭМАНУЭЛЬ, французский поэт, председатель Пен-клуба; А.ТОЙНБИ, историк. Всего 31 подпись.

П.Г. Григоренко. О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ.

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ в своей книге "Полдень" приводит этот рассказ П.Г. Григоренко, который публикуется здесь с сокращениями:

Идея психиатрических специальных больниц сама по себе ничего плохого не содержит, но если говорить о нашем специфическом осуществлении этой идеи, то нет ничего более преступного, более античеловеческого.

Дело в том, что метод расправы с неугодными людьми путем признания их сумасшедшими и помещения на длительные сроки или на всю жизнь в психиатрические лечебницы начал применяться с тех пор, как появилось понятие "сумасшедший". Учитывая и это, передовая общественность издавна боролась за то, чтобы лечение психических больных проходило под ее контролем. Общественность боролась также и за то, чтобы люди, совершившие преступления в состоянии невменяемости, уголовному наказанию не подвергались, а направлялись на психиатрическое лечение. Боролась за это и выдающиеся русские психиатры БЕХТЕРЕВ и СЕРБСКИЙ. Советское законодательство пошло навстречу этим требо-

ваниям передовых людей. Но беда в том, что все это дело было полностью изъято из-под надзора общественности, отдано в руки специально подобранного аппарата. Врачи в психбольницы назначаются по особому подбору, при котором врачебная квалификация не играет главной роли, на первом месте - другие качества, главное из которых - умение подчиняться, не проявлять своего медицинского "я".

Начать надо с выяснения, всегда ли в специальные больницы попадают действительно психически больные люди; не заложены ли в самой системе условия для произвола. Человек попадает на психиатрическое обследование в скандально знаменитый Институт судебной экспертизы им.проф.Сербского на основании постановления следователя. Институт этот номинально входит в систему Минздрава СССР, но я сам неоднократно видел заведующего отделением, где я проходил экспертизу, проф.ЛУНЦА, приходящим на работу в форме полковника КГБ. Правда, в отделение он всегда приходил в белом халате. Видел я в форме КГБ и других врачей этого института. Какие взаимоотношения у кагэбистов с Минздравом, мне установить не удалось. Говорят, что кагэбистским является только одно отделение - то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Мне думается, что влияние КГБ - притом решающее влияние - распространяется на всю работу института. Но если дело обстоит даже так, как говорят, то возникает вопрос - может ли психиатрическая экспертиза по политическим делам быть объективной, если и следователи и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны военной дисциплиной?

Расскажу о том, что видел сам. Прибыл во 2-е /политическое/ отделение института им.Сербского 12 марта 1964 г. До этого я даже не слышал о таком способе расправы в наше время, как объявление здорового человека невменяемым; не знал, что в нашей стране существует система "чаадаевщины". Я понял это, лишь когда мне самому было предъявлено постановление о направлении на психиатрическое обследование.

Я, прочтя постановление, посмотрел на следователя и спросил: "Что, нашли выход из тупика?" Следователь, находившийся в большом смущении, стал заверять, что после экспертизы следствие будет продолжаться, и дело будет оформлено. Я подумал, что никакого следствия больше не будет, что мне обеспечена психиатричка на всю жизнь.

В отделении, куда я прибыл, было 11 человек. Исходя из свих представлений о характере экспертизы, я предсказывал всем 11-ти, кого из них какое заключение ожидает. И без медицинского образования было ясно, что психически неполноценный среди нас - один только Толя ЕДАМЕНКО, но именно ему я и предсказал обычный лагерь. "Дурдом", по-моему, ожидал троих: меня, Павла БОРОВИКА /бухгалтер из Калининграда/ и Дениса ГРИГОРЬЕВА /электромонтер из Волгограда/. У всех троих следственное дело было пустое и наполнить его содержанием возможности не предвиделось.

Все остальные, по-моему, должны были быть признаны нормальными, хотя некоторые очень искусно "ломали ваньку", изображая психов. Один был у меня под сомнением - Юрий ГРИММ, крановщик из Москвы, который распространял листовки с карикатурой на Хрущева. Ему я сказал: "Не раскаешься, пойдешь в "дурдом", раскаешься - в лагерь" /к нему несколько раз в неделю приезжал следователь и, обещая ему всякие блага, убеждал "раскаяться"/. Юрий "раскаялся" и получил три года лагерей строгого режима.

Случай с ГРИММОМ наилучшим образом свидетельствует о том, что институт им. Сербского - всего лишь подсобный орган следствия. И следователь и врач-эксперт говорили с Юрой только об одном, о раскаянии. При этом врач вел себя хамовитее следователя и картинно живописал, как ГРИММА упрячут на всю жизнь среди "психов", если он не раскается.

И в Ленинграде я встретился с теми, кто попал в психиатричку, не будучи психически больным. Особенно тягостное впечатление производил на меня инженер Петр Алексеевич ЛЫСАК. За выступление на студенческом собрании против исключения нескольких студентов по политическим мотивам он попал в психбольницу и к моему прибытию находился там уже семь лет. Злоба за эту страшную расправу, за искалеченную жизнь затопила его мозг, и он ежедневно писал жалобы, которые естественно, никуда не доходили, а попадали в его больничное досье и служили основанием для дальнейшего "лечения" /из СПб не принято выписывать тех, кто не признал себя больным/. Я пытался втолковать ему эту истину. Однажды во время такого разговора я с раздражением сказал: "Вы настолько нереально рассуждаете, что я начинаю сомневаться в вашей нормальности". Он вдруг остановился, посмотрел на меня взглядом, который не забыть до самой смерти, и тихо,

тихо, с какой-то горькой укоризной спросил: "А неужели вы думаете, что здесь можно пробыть семь лет и остаться нормальным?".

В этом вся суть бесчеловечной системы принудительного лечения. Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он сам начинает понимать, что со временем превратится в одного из тех, кто его окружает.

Военная закалка, а может, железное здоровье, которым наградили меня родители, позволили мне быстро приучить себя к самоизоляции, и мое пребывание в больнице прошло без особого вреда для моей психики. Единственное, чего не могу, от чего иногда просыпаюсь по ночам - это дикий ночной крик, смешанный со звоном разбитого стекла. От этого я изолироваться не мог. Во сне, видимо, нервы не защищены от таких воздействий. Но я представляю, что должен переживать человек, который все окружающее принимает на "открытую" нервную систему, у кого не развиты, как у меня, защитные функции.

Если бы в такую обстановку люди попадали лишь изредка, случайно, то и тогда каждый такой факт надо было бы расследовать самым тщательным образом, с соблюдением широчайшей гласности. Но здесь не случайность, а система. Притом, широко практикуемая. Я говорил, что только за месяц, когда я был на экспертизе, институт им.Сербского произвел трех здоровых в сумасшедшие и отправил одного безусловно ненормального человека в лагерь. Последнее - тоже система. Я это понял только, прочитав книгу А.Марченко "Мои показания". Психически больные нужны в лагерях, чтобы делать жизнь здоровых еще невыносимей.

В ЛСПБ я встретился с интересным молодым собеседником. Он попал туда при следующих обстоятельствах. Его арестовали за мелкую кражу и, возможно, выпустили бы, не отдавая под суд, если бы следователю не вздумалось с его помощью закрыть одно "дохлое" дело - нераскрытое убийство. От подследственного требовалось не-многое: показать, что один из его друзей в момент совершения убийства находился в том населенном пункте, где оно произошло. Рассказчик знал, что это неправда и отказался дать такие показания. Следователь заявил: "Ах, не хочешь помогать следствию... Так я тебя упеку в такое место, что ты меня всю жизнь не забудешь".

И направил на психиатрическую экспертизу. Экспертиза признала невменяемость. Молодому человеку повезло. Ему попался честный врач, сумевший добиться отмены заключения экспертизы. Но для этого потребовалось ш е с т ь лет. Как правило, отменить заключение экспертизы невозможно, потому что оно многократно подтверждается повторными экспертизами, а отменено может быть лишь с согласия врача, поставившего первичный диагноз.

Страшна психиатричка здоровому человеку своей средой, но не менее страшна полным бесправием и безысходностью. У "больного" СПБ нет даже тех мизерных прав, которые есть у заключенного. У него вообще нет человеческих прав. С ним могут делать все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие жалобы не уйдут из больницы. Остается одна надежда - на честного врача.

Но я настаиваю на том, что НИКУДА НЕ ГОДНА ТА СИСТЕМА, при которой остается надежда только на чью-то честность.

Обстановка сумасшедшего дома, полное бесправие и отсутствие реальной перспективы выхода на свободу - вот те страшные факторы, с которыми сталкивается каждый, кто попадает в СПБ.

Надо бороться за коренное изменение системы экспертизы и содержания больных с СПБ, за предоставление общественности действительной возможности контролировать условия содержания и лечения больных в этих условиях.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Точное число политзаключенных в настоящее время во Владимирской тюрьме /г.Владимир, учреждение ОД-1 /ст.-2/, неизвестно. Для политзаключенных сейчас не выделен отдельный корпус - но несколько политических камер находится в каждом из четырех корпусов тюрьмы: например, в третьем корпусе таких камер две - 72-я и 79-я. Так же как и среди политзаключенных мордовских лагерей, значительную часть здесь составляют украинцы и прибалты, осужденные по так называемым националистическим делам. Вот далеко не полный список политзаключенных Владимира:

1. Михаил Масютко из г.Феодосии, 45 лет, осужден в 1965 г. на 6 лет за распространение украинского самиздата, в частности, своих рассказов о калмыцких лагерях, узником которых он был при сталинском режиме; находится в тюрьме по приговору суда, страдает тяжелым желудочным заболеванием.

2. Михаил ГОРЫНЬ из г.Львова, 46 лет, осужден в 1965 г. на 6 лет за распространение украинского самиздата, попал в тюрьму за жалобы на лагерную администрацию.

3. Михаил ЛУЦИК, осужден по аналогичному делу.

4. Олесь ЛУКЬНЕНКО, юрист из г.Львова, 42 года, осужден в 1961 г. на 15 лет, обвинение его и целой группы лиц "измене родине" основывалось на показаниях одного из обвиняемых, которому работники Львовского УКГБ обещали, что он выйдет на свободу, - этот обвиняемый получил 10 лет.

5. Иван КАНДЫБА, осужден или по одному делу с Лукьяненко или за выступление в защиту Лукьяненко. Срок не менее 10 лет.

6-7. Осужденные в 1967 г. по делу "Украинского национального фронта" /распространение самиздата типографским способом/ Дмитрий КВЕЦКО, срок 15 лет. Зиновий КРАСИВСКИЙ, срок 12 лет, Михаил ЛЯК, срок 12 лет.

8. Юстас ГЕМБУТАС, литовец.

9. ВАРАНОВИЧЮС, литовец.

10. ВАЙВАДА, литовец.

11. Карл ШЕФФЕРС, латыш

12. Юсуф АСЛАНОВ, черкес.

13. Игорь ОРУРЦОВ, переводчик-востоковед из Ленинграда, 27 лет, осужден по делу "Всероссийского социал-христианского союза", в тюрьме находится по приговору суда.

14. Анатолий САМЫШКИН.

15. Георг ГЛАДКО, как уже сообщала хроника, осужденный за победы из Восточной Германии в Западную.

16-17. Юлий ДАНИЭЛЬ, писатель, москвич, и Валерий РОНКИН, студент, ленинградец.

18-20. В сентябре-октябре 1969 г. во Владимир из мордовских лагерей переведены РОДЫГИН /см. 4-й выпуск хроники/, СЕМЕНЮК и БАРЕТА.

21. 8 ноября во Владимир переведен БЕРГ, осужденный в 1967 г. за попытку организации подпольной типографии. В знак протеста против его перевода на третьем лагпункте мордовских лагерей /ст.Барашево, учреждение ХХ 385/3/ двое политзаключенных Николай ТАРНОВСКИЙ и однодезлец Берга - Вячеслав АИДОВ объявили голодовку.

До недавнего времени во Владимирской тюрьме находился Святослав КАРАВАНСКИЙ. В 1944 г. двадцатипятилетним юношей КАРАВАНСКИЙ был осужден на 25 лет. В 1962 г. после принятия нового уголовного законодательства, когда дела двадцатипятилетников могли быть пересмотрены и сроки могли быть снижены до 15 лет, КАРАВАНСКОМУ срок был снижен до отбытого, около 18 лет, и он был освобожден. Вернувшись в Одессу, Святослав КАРАВАНСКИЙ учился, работал журналистом. В 1965 г. он послал в газету "Известия" статью, критикующую национальную политику на Украине. Вскоре после этого он был арестован и отправлен в мордовские лагеря отбывать до конца 25-ти летний срок /более, чем на 7 лет/. Формально это было проведено так: Генеральный прокурор СССР Р.А. РУДЕНКО опротестовал решение суда о снижении срока, и оно было отменено. Когда КАРАВАНСКИЙ в жалобах из лагеря стал добиваться восстановления справедливости и законности, он был переведен во Владимир. Осенью 1969 г. Святославу КАРАВАНСКОМУ предъявлено новое обвинение - "антисоветская пропаганда", и он отправлен в Киев, в следственный изолятор украинского КГБ.

ГОЛОДОВКИ В ПОЛИТЛАГЕРЯХ МОРДОВИИ

В ноябре-декабре 1969 г. в потьминских лагерях /Дубровлаг, учреждение 385/, где содержатся политзаключенные, прошла волна голодовок.

В 3-ем лаготделении - производственный лагпункт /не путать с больничным лагпунктом, находящимся также в 3-м лаготделении/ в ноябре состоялась голодовка протеста в связи с помещением в БУР заключенного БЕРГА. БЕРГ, осужденный по ст.70 УК РСФСР за создание совместно с Вячеславом АИДОВЫМ нелегальной типографии, был переведен на 3-е лаготделение из 19-го лаготделения, как специалист по нестандартному оборудованию. Однако на 3-м л/о его поставили на неквалифицированную работу, а затем за попытку протеста поместили в БУР.

В голодовке приняли участие Вячеслав АИДОВ и Николай ТАРНОВСКИЙ /ст.70 УК РСФСР, также попытка создания нелегальной типографии/, Иван ЖУКОВСКИС /ст.67 УК Лит.ССР, соотв. ст.70 УК РСФСР, журналист-международник, осужден за неугодное властям интервью/, Валентин КАРПЕНКО /ст.70 УК РСФСР, срок - полтора года/, Валерий РУМЯНЦЕВ /ст.64 УК РСФСР, срок - 15 лет/, Лев КВАЧЕВСКИЙ /ст.70 УК РСФСР, срок 3 года, см. выпуски хроники №№ 3 и 5 за 1968 г./.

После коллективной голодовки, длившейся несколько дней, администрация выпустила БЕРГА из БУРа, признала его протест законным, а действия отрядного начальника АЛЕКСАНДРОВА, поставившего БЕРГА на неквалифицированную работу, неправильными, Вячеслава АИДОВА, который отказался идти по вызову на беседу к начальству, так как был слишком слаб и не мог передвигаться после голодовки, немедленно посадили в БУР. В знак протеста объявили голодовку БЕРГ, ТАРНОВСКИЙ, ЖУКОВСКИС, КАРПЕНКО, РУМЯНЦЕВ и КВАЧЕВСКИЙ. Эта голодовка длилась несколько дней и заставила лагерную администрацию выпустить из БУРа и АИДОВА.

В середине ноября БЕРГА внезапно отправили во Владимирскую тюрьму, что явилось причиной третьей голодовки, длившейся три дня, в которой принимали участие АИДОВ, ТАРНОВСКИЙ, ЖУКОВСКИС, РУМЯНЦЕВ и КВАЧЕВСКИЙ.

В середине ноября голодовка состоялась также на 17-и "а" лагпункте Дубровлага. Одной из причин голодовки было то, что администрация лагпункта не разрешила Виктору КАЛНЫНЬШУ /срок 10

лет, арестован и осужден в 1962 г. по ст.66 и 67 УК ЛатвССР, соотв. ст.ст.64 и 70 УК РСФСР, дело о "подпольной антисоветской националистической организации", приговор опротестован сначала прокурором Латв.ССР, а затем - Генеральным прокурором СССР, но оставлен без изменения /получить посылку от родственников. Один из участников голодовки Юрий ГАЛАНСКОВ - был во время голодовки переведен в третье /больничное/ лаготделение и продолжал там голодать.

В декабре прошли голодовки почти во всех политических отделениях Дубровлага. Голодовки были связаны с Международным днем прав человека - 10 декабря.

На 17-а лагпункте в первой декаде декабря провели голодовку Александр ГИНЗБУРГ, Виктор КАЛНЫНШ, Леонид БОРОДИЯ, Вячеслав ПЛАТОНОВ /двое последних осуждены по делу ленинградских "христианских демократов", ст.70 УК РСФСР, см. вып.хроники № 2 за 1968 г./.

Голодающие протестовали против перевода во Владимирскую тюрьму Юлия ДАНИЭЛЯ и Владимира РОНКИНА /см. вып.хроники № 10 за 1969 г./.

Все четверо помещены в БУР. В третьем больничном лаготделении с 3 по 10 декабря по тому же поводу голодал Юрий ГАЛАНСКОВ.

В 3-ем производственном лаготделении АЙДОВ, ТАРНОВСКИЙ, ЖУКОВСКИС, КАРПЕНКО, РУМЯНЦЕВ КВАЧЕВСКИЙ провели еще одну голодовку в знак протеста против перевода БЕРГА во Владимирскую тюрьму.

На 19-м лаготделении два дня - с 10 по 11 декабря голодал П.М. ГОРЯЧЕВ /ст.64 УК РСФСР, до 1964 г. - оперативный работник КГБ, затем - адвокат, осужден за попытку перехода границы/. ГОРЯЧЕВ помещен в БУР.

Приложение: В связи с переводом ДАНИЭЛЯ и РОНКИНА во Владимирскую тюрьму в различные официальные инстанции с июля по ноябрь 1968 г. было направлено около 30 запросов, главным образом, от родственников ДАНИЭЛЯ и РОНКИНА. Эти запросы были направлены в районную прокуратуру Zubovo-Полянского района Мордовской АССР, в прокуратуру Мордовской АССР, в прокуратуру РСФСР, в Прокуратуру СССР, райнарсуд Zubovo-Полянского района, Верховный суд Мордовской АССР, администрации лагпункта 17-а, в управление Дубровлага, в МВД СССР, Президиум Верховного Совета РСФСР, ЦК КПСС. Ни на один из запросов до сих пор не дано ответа по существу.